

рая требует больших пояснений, потому что партии и лица, в ней упоминаемые, за

французской революции 1848 г., хотя бы

компас, — марка, пролетариат идет к нему смелым в уверенным шагом.

П. С. Выготский.

Гастроли труппы Азагаровой

Летний сезон у нас — сезон гастролей — особенно ответственной и важен. Величайшие возможности — показать, хоть одним краем — лучшее, что есть в русском театре, соединены в нем с опасностями самой беззащитной халтуры. Такова уж природа гастролей.

Начался сезон в этом отношении неудачно. Спектакли хорошо известного нам ансамбля под режиссерством А. И. Азагаровой и при участии тоже игравшей у нас В. Ф. Драга не вызвали, конечно, каких-нибудь особенных ожиданий и не могли превратиться в большое театральное событие. Круг театральные возможности этих артистов хорошо нам знаком, — о них живет здесь хорошая память. Но все же после года работы мы могли ждать от этого ансамбля хотя бы новых постановок, такой же проработки и стоимости, как прежние их работы в Гомеле. А гастроллирующая героиня, после года работы в мастерской Мейерхольда, обновит хоть один звук — ждали мы, хоть ничтожная нотка нового прозвучит в ее игре. Одним словом мы ждали хорошего, с подъемом, чуть повышенного типа — обычного, сезонного спектакля.

И вдруг — Страсть. История о том, как добродетельный композитор спасает падшую душу — и что из этого вышло. Томительный, тяжелый, и никому и неужный спектакль. На рубль мелкобуржуазной философии и тонкотворной морали и на грош пошлого действия.

Темы о проститутке по призванию, о грехе человеческой чувственности, о социаль-

ной несправедливости, о материнстве, о страсти, о сверхъерунде — перепутаны так, что ни артисты, ни зритель не знают, в чем дело — кого играют они и как. Отвратительная постройка пьесы, разговаривающие лица, вместо действующих.

Почему так ое надо было привезти с собой в гастрольную поездку — не поймешь. Разве по принципу — за вкус не ручаюсь, а горячо будет. Действительно, крепко, и горячо, и грубо. Разыграли так, что весь крепкий аромат туалетного мыла и вся краснота его этикетки были сохранены в полной мере. Разбавили это слащавыми немецкими «мармеляден», поэзией «красивых открыток» — под «грамор, густо-провинциальными», — и получилось, действительно, горячо. В. Драга (Анна), если внесла что новое в свою игру, так это небезнадежное, вульгарное движение и тона, раньше тщательно избегаемого, крика, низкого, почти басового звука голоса. Как все, и это может обогатить игру, и конечно, жеманная пристойность небольшая добродетель актерская. Но здесь грубость звучала так нетеатрально, а пропорции были взяты в таких пожарных размерах, что было, право же, некрасиво.

Речь нараспев, невучий тон артистки, кажется, еще усилились за это время. Фразу она явно преувеличенно поет, при остальных приемах совершенно разговорного тона игры. Исполнение это показало, как мало в средствах артистки сильное потрясение (как бросается она в окно!), глубокий драматизм и театральная страсть. Сила ее в другом.

Остальные исполнители играли, как состоящие при гастролере, оттеняя и выделяя героиню. Зачем? М. Добряков (Герберг) показал простой и характерный сценический разговор, но драматической силы и на ногу не было в его сценах, — во второй пьесе (Угорелов) он был совсем далек от всякого комизма даже легчайшей окраски.

Вторая пьеса — «Дама из Торжка» Ю. Беляева — жеманная историчка с содержанием водевиля в стиле милой, старомодной, изящной безделушки. В живописной обработке это дает виньетку на большом дорогом листе бумаги. Дама из Торжка, ее очаровательные дорожные приключения, капризы и странности, знаменитый тарантас, так необходимый для старой повести, вся поэзия русской большой дороги из усадьбы в город — все это, в сущности, стилизованный старинный анекдот, растянутый на 4 акта. В постановке анекдот был рассказан неплохо, но тяжело, не в меру серьезно. В тоне анекдота вполне были Азагарова (Конкордия) и М. Кириков (Чмоков). Азагарова в обеих пьесах играла карикатурно, но ее Конкордия была сделана с настоящим юмором и остротой анекдота. Чмоков у М. Кирикова, как всегда, в мягком, чуть лирическом юмореске.

Дама из Торжка в исполнении В. Драга — образ красивой русской итальянки, загадочной и легкомысленной Мойны Лизы из Торжка.

Беляев (сам критик, не поэт) дает в пьесах точные формулы своих образов и резюмирует смысл своих пьес в финале.